

Падение суверенитетов: обратная перспектива

Часть 3

Окончание.

Начало см.: Актуальные проблемы российского права, 2016, № 4, 5.

Аннотация. В статье дается анализ проблемы, которая всегда оставалась актуальной в правовой науке, — проблема суверенитета. Это понятие сопоставляется с другой его ипостасью — суверенностью, и в процессе диалектического противопоставления делается попытка выявить их общие черты и коренные отличия. Суверен как субъект суверенитета может иметь как личностную, так и анонимную форму, как индивидуальное, так и коллективное воплощение.

В статье подчеркивается фиктивный характер суверенной субъективности, свойственной эпохе, когда суверенитет значительно меняет свое содержание и сущность, — эпохе модерна. Этот процесс трансформации был отмечен такими мыслителями, как Федор Достоевский, Владимир Соловьев, Фридрих Ницше и др. Ложный или мнимый суверен, даже обладающий господством и властью, лишен истинной легитимности, которую для него не могут воссоздать ни общественное мнение, ни прямое насилие. Здесь не помогают ни мимикрия, ни манипулирование. «Два тела» короля распадаются надвое и уже не соединяются никогда.

Мнимый суверен возглавляет мнимое, «фантомное» государство. Субстратом этой государственности становится не народ, а «массы» — как особые образования, соединенные вместе скрепами внешней власти, насилием и идеологией. Суверенность, ассоциированная со свободой существования, поглощается силой власти, с которой она оказывается несовместимой. Внешний закон играет значительно более важную роль, чем внутренняя истина, на которой по традиции зиждилась справедливость.

Сама справедливость заменяется своей собственной метафорой, которую являет закон. Обезличенная сила закона, которая выражалась в волевом решении, не только ограничивает пределы суверенитета, но и заменяет его собой. Суверенитет как статус излучает суверенность как движение и динамику. Мнимости, столь характерные для эпохи модерна, вполне позволяют создавать «неправые законы», забывающие и об истине, и о справедливости, сосредоточенные только на целесообразности и эффекте. Из области права исчезают метафизические и трансцендентные положения, прежде связывавшие его с иными высокими внеправовыми инстанциями. Нормативизм становится господствующей идеологией модерна и современности, придавая праву и суверенитету совершенно новый облик и порождая неожиданные последствия для жизни правового государства.

© Исаев И. А., 2016

* Исаев Игорь Андреевич, доктор юридических наук, профессор кафедры истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина
kafedra-igr@mail.ru
123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Ключевые слова: суверенитет, суверенность, авторитет, легитимность, законность, субъект, личность, государство, правовая форма, норма, справедливость, истина, легальность.

DOI: 10.17803/1994-1471.2016.67.6.077-087

7. Право не есть последняя истина

Если действительность была недоступна для рассудочного понятия, то проникнуть в нее оказалось способным только поэтическое слово, образ: понятие лишь упорядочивает наличное и открытое, образ же порождает новую духовную действительность. Понятие исключает тайну, образ является парадоксальным единством противоположностей в той мере, в какой он одновременно освещает и чтит тьму. Понятие означает экономию, образ — расточительство, понятие упрощает, образ чтит множественность, понятие всеобще, образ индивидуален; здесь — упорядочение, экономия, расчлененность, универсальность, прогресс противопоставляются жизни, там — тайна, многообразию¹. («Ночь — это мать дня. Ночь — это время укрытия прошлого божественного и сокрытие грядущих богов. Поскольку ночь, в которой ночует такое укрытие — сокрытие, это не ничто, то в ней есть и своя ясность и спокойствие тихой подготовки некоего грядущего». У нее нет бодрости покоящейся игры, но все же есть покойное ожидание (Мартин Хайдеггер).

Но в мире лжепророков и ложных суверенов истина — только «движущаяся толпа метафор», иллюзия, о которой забыли, что она такова, метафора, которая поистрепалась. Стремление к истине — обязательство, которое нам ставит общество как залог своего существования, обязательство быть правдивым, т.е. употреблять обычные метафоры, лгать согласно принятой условности, лгать стадно в одном для всех обязательном стиле; благодаря неосознанности этого и еще благодатному забвению человек и приходит к чувству истины. Поэтому побуждение к образованию метафор — основное, почти инстинктивное побуждение человека. Вырываясь из своих обесплоченных созданий — понятий, он вы-

страивает новый «окоченелый» мир, человек ищет для своей деятельности какое-то новое царство и находит его в мифе². Райнхарт Козлек даже утверждает, что все современные «измы» образованы духовным напряжением между опытом (обобщенным в них наличным бытием) и ожиданием (проектом будущего). Сами эти понятия появляются прежде, чем соответствующие им реалии: метафора с ее «логикой фантазии» (Вико) становится удобным способом познания исторической реальности.

Истина везде, где мы с ней соприкасаемся, связана с властью: в объективном мире — благодаря действительности власти, в субъективности отдельного человека — благодаря его побудительной властной воле (Ницше). Однако «воля к логической истине» неизбежно предполагает некую фальсификацию события. Ницше отрицал, что существуют какие-либо априорные эмпирические или исторические истины: такие истины состояли бы только в соответствии наших мыслей с самими собой и всеобщими законами мысли, а материальная истина — в соответствии законов мысли — с помысленными предметами, с бытием. Борьба, утверждая волю имморализма против отрицающей волю морали, «превращается тогда в борьбу становления против бытия»³.

Великий инквизитор, как настоящий реалист оставляет позади себя традиционный дуализм добра и зла, но как человек, искренно верящий в утопию, сам он отчаянно держится за этот дуализм. Действительность делает его циником и прагматиком, но исходя из своих намерений, он благодушно чувствует себя воплощением добра. Эта перевернутая циническая оптика дает логически ясный образец для толкования одного весьма важного феномена: «Тот, кто желает властвовать, непременно использует истину, чтобы лгать». При попытке

¹ См.: Михайловский А. В. Поэт возвращения // Юнгер Ф. Ницше. М., 2001. С. 20—21.

² См.: Ницше. Об истине и лжи во вненравственном смысле // Философия в трагическую эпоху. М., 1994. С. 258—263.

³ Юнгер Ф. Ницше. С. 124—125.

же сделать истину государственной религией сама она почему-то неизбежно превращается в свою противоположность (как заметил Теодор Адорно, сами по себе «преодоления всегда значительно хуже того, что преодолевается»). Тогда зло становится только «так называемым злом», стоит лишь помыслить его как средство для достижения добра. А добро соответственно становится «так называемым добром». (Как Христос, который «несвоевременно» пришел мешать Великому инквизитору: за гранью добра и зла их метафизическое различие и во все исчезает.)

Такая метафизическая нейтральность ознаменовала собой приход эпохи модерна, в которой отсутствуют и трансцендентная модель, и четкое различие средств и целей. Теперь любые высказывания о целях выступают как «идеологии». Появляется такой загадочный и угрожающий феномен, как масса, своеобразный «духовный животный мир», темная область ложного и несвободного сознания. Но Великий инквизитор твердо убежден в том, что человек должен и, главное, хочет быть обманут: «Человек нуждается в порядке, порядок нуждается во власти, власть нуждается во лжи».

Занятие же «большой политикой» (но это уже совсем не то, о чем «говорил Заратустра») означает инструментальный тотальный манипулирования ценностями⁴. Добро и зло встречаются возле жертвенного алтаря — в войне и борьбе выясняется истина и устанавливаются права. Потери компенсируются приобретениями. «Министерства правды» занимаются распространением лжи. Жертвы же чаще всего приносятся за счет третьей стороны, не участвующей в борьбе. Пересмотр всех ценностей сопровождает войны и революции. Зло начинает казаться оправданным и бесконечным. По замечанию Жака Раньера, аксиологическая подмена конкретной жертвы символической инстанцией, противостоящей злу, или абсолютной жертвой, порождает и столь же абсолютное «внеюридическое право» жертвы бесконечного зла. И наследуемо это право защитником прав жертвы: и жертва с этой точки зрения является онтологическим основанием всякой культуры.

Отсюда проистекает и то самое оправдываемое божественное насилие в политическом, о котором говорил Вальтер Беньямин: «Справедливость есть принцип любого божественного целеполагания, власть же — принцип любого мифического правополагания... Мифическая манифестация непосредственного насилия в глубине проявляет себя идентично любому правовому насилию». Но если мифическое насилие — правоустанавливающее, то божественное — правоуничтожающее; если первое устанавливает границы применимости, второе — безгранично и нелегитимно; если первое является источником вины и позволяет ее искупить, то второе расположено вне пределов конкретной вины и принуждает платить сполна; если первое — грозяще и кроваво, то второе — разяще и бескровно. Здесь правовое сознание стыдливо замалчивает несправедливость и насилие, лежащее в ее основаниях, но порождает чувство вины, т.к. «правовое бессознательное» рождается из «грязного» насилия, и даже «демократическая форма права порождена предшествующим ей голым насилием над стихийно сложившимся порядком»⁵.

Схематизация правомерной и неправомерной власти, столь свойственная модерну, требует также новой нормативной формы, поскольку речь идет о приписываемом действии. Но эта форма опирается на контрафактические «иллюзорные» ожидания и поэтому воспринимает реальность еще очень неуверенно и неточно. Ведь неправомерная власть тоже является властью, хотя и совсем в ином смысле, нежели это имеет место в случае, когда ложь оказывается истиной. Она представляет собой вполне реальную власть, а не просто возможность, реализации которой могут ожидать... Формирование отношений между властью и правом отличают гораздо большие затруднения, чем формирование отношений между ложью и истиной. Распределение власти может в своей тенденции расстраивать правовой порядок, и эта тенденция (если она соотносена с действием) вынуждает принимать решения, т.е. согласовывать позиции права и власти. «В форме права политическая власть лишь как бы подвергается консервации и может про-

⁴ См.: *Слотердайк П.* Критика цинического разума. Екатеринбург, 2001 С. 217—223.

⁵ *Савчук В.* Время нигилизма // Судьба нигилизма. СПб., 2006. С. 206—207.

должительное время оставаться в распоряжении тех, кто политиками вовсе не является и собственной властью не обладает». Фатальное различие частного и публичного права размыло эту универсальную связь права и политики, хотя некогда именно частное право первоначально и было правом политическим. Политика и решение постоянно первенствовали в альянсе с правом и законом, и это давало надежду на то, что правильно понятая справедливость сможет выразиться в праве⁶.

Справедливость осуществляла номинацию, поименование своих производных, нормирование давало им соответствующие имена: «закон», «порядок». Но пространство «имен и закона» вторично. Посредством имени обозначается и отграничивается нечто уже существующее, однако начало и конец принадлежали «пустоте», и вся история с ее правом и законами происходит из этого истока. Богоустроенная «пустошь» скрывает в себе чистый закон, первомеру всякого человеческого устройства (Фридрих Юнгер). «Пустошь» и «лесные тропы» (пространство смыслообразования, описанное Эрнстом Юнгером) означают некую потаенность, не нуждающуюся в законе. Нормирование же как производство смыслов давало возможность суверену формировать мир вокруг себя: мнимый суверен, соответственно, творил мнимый мир, в котором интерпретации не преследуют истину. Вот тогда-то и рождается неправое право.

Но для лжесуверена такое понимание неприемлемо и бессмысленно. Великий инквизитор говорил о «тайне, авторитете и чуде» как о главных ценностях грядущего времени. «Смерть Бога» и уход веры не оставляют более высоких критериев и инстанций для формирования смыслов. Теперь категории «смысла» и «целостности» амбициозно претендуют на всезначимость. Но ведь цель сама по себе уже есть некий смысл, предположение, что нечто может быть достигнуто в результате некоего процесса, когда вдруг наступает осознание того, что становлением в общем-то ничего и не достигается — вот тогда-то и приходит нигилизм, разочарование в кажущейся цели становления. Нигилизм наступает, когда во всем совершающемся и подо всем совершающим-

ся навязчиво предполагается некая целостность — «организация». Возникновение нигилизма связано с противопоставлением двух миров — потустороннего, который выдуман как ценный и достойный уважения, и действительного, который и есть мы сами (Ницше).

Ницше называл себя первым настоящим нигилистом. Переоценка ценностей должна быть непременно тотальной, всеразрушающей и всеотрицающей. Либерализм, демократия, социализм — все политические формы должны уйти в прошлое, а приход «сверхчеловека» должен подготавливать будущее... В эпохи, когда только искусство дарует безотчетную общность и единодушие, несущие на себе «мистический отпечаток и дающие ему столь сильную власть, неизменно существует мощный иерархический элемент, который поддерживает и чаще всего подавляет общественное тело». Вводя авторитет, он обуздывает взрыв народной энергии, сублимируя ее в формах храмов и скульптур: если жизнь — это открытие, движение, завоевания, то стиль — иерархия, охранение, соподчинение.

Кажется, что именно барокко сумело передать модерну искусство имитации как пространственной, так и смысловой через эмблематику и метафору. История, в которой война и армия были придуманы для того, чтобы «стилизировать и заслонять насилие, а революция, чтобы вносить элемент игры в сущность политических правил, законы — чтобы смягчать, постоянно усмиряя инстинкты человека», и великий человек, «сверхчеловек» становился укротителем страстей толпы, которым он умело придавал форму своих собственных страстей, — такая история может повториться уже в новых формах. Вместе с законом, который он диктует, великий человек внедряет в мир эстетическое состояние мышления: «Вся история повествует... об ожесточенной борьбе индивида с общественным телом, которое стремится его поглотить или которое стремится разрушить он, об их чередующихся победах и временном равновесии»⁷.

Рационально добытая истина — не что иное, как только крайняя форма ограничения становления, и она становится результатом длящегося великого заблуждения, идущего еще от Платона и вплоть до Гегеля, — отождествления понятия

⁶ См.: Луман Н. Власть. М., 2001. С. 71—72, 146.

⁷ Фор Э. Дух форм. СПб., 2001. С. 96—98.

и бытия. Поэтому избежать этой ошибки позволяет подчеркивание перманентного превосходства различия над тождественностью, движения над покоем, случая над закономерностью, пафоса над логосом. Именно различия по настоящему подобны, аналогичны или тождественны друг другу: «Различие есть начало всего, но позади различия уже нет ничего». Поэтому нигилизм отрицает многообразие и становление, он брезгливо рассматривает его как нечто такое, что должно быть заглажено, искуплено, поглощено бытием, многообразие кажется ему несправедливым, подлежащим осуждению и поглощению единым (Жиль Делез). (Так обстоит дело и с наказанием: «Никакое деяние не может быть уничтожено... В том именно состоит вечное в "наказании существованием, что существование вечно должно быть опять деянием и виной": пока наконец воля не избавится от себя самой и не станет отрицанием воли», но это уже будет безумие, предупреждал Ницше).

Гельдерлин называл хаос и беспорядок настоящим «святыми». Мыслимый с точки зрения природы, хаос остается тем метафизическим развертием, из которого «открывается открытое», ничто действительное не предшествует этому развержению, но лишь постоянно входит в него: «А поскольку природа, будучи до всего, остается начальным, изначально непоколебимым, то она и есть незыблемый закон» (М. Хайдеггер). Но это закон, который узаконивает установление совсем не так, как делает это человеческий закон. И в особенности тот способ, которым «святое устанавливает свой устав», поскольку этот способ есть ниспосланное судьбой, с точки зрения человеческого закона, едва ли можно назвать законным⁸.

Ницше приписывает Гераклиту следующее выражение: «Весь мир для меня — зрелище правящей справедливости». Дочь Зевса Дике (Справедливость) наделяется мирообразующим, миронаправляющим достоинством и смыслом, и Гераклитово вечное брение являло собой вечную справедливость: «Спор самого множества есть уже чистая справедливость» или соединение живых, противоборствующих друг другу несправедливостей (Ницше).

Истинная суверенность власти рождалась

отнюдь не из выборности или борьбы партий: «Бог делает царей в буквальном смысле», он подготавливает царские роды, следит за их созреванием «среди облаков, скрывающих их происхождение». И только затем они покоряют себе народы, и это великое знамение их законности. Они возвышаются без насилия и без четкого намерения: Жозеф де Местр называл это чудесное спокойствие и органичность «законной узурпацией».

Законодательство же, на основе которого новая правящая элита осуществляет как свое представительство, так и принуждение, носит двусмысленный характер: оно отягощено всеми неопределенностями понятия справедливости и на основании этого факта и сформировалось мнение о том, что правитель стоит выше закона, т.к. он принимает решения в случаях, законом не предусмотренных. Но позиция «над законом» вовсе не означает отрицания самого закона. Более того, оно мыслится как способ сделать закон реально возможным. Закон должен быть дан в творческом действии и применении к конкретной ситуации путем волевого решения. Те, кто находится во власти, выражают силу и справедливость бытия всей группы, но в то же время и свою собственную силу и притязания на справедливость: существование без структуры силы означало бы существование без центра действия⁹. В законе суверена выражается и сознание своего высокого призвания: «Справедливость империй — это не только идеология или рационализация иррационального, ведь империя не только подчиняет, но еще и соединяет».

Морально исход в борьбе сил может быть только однозначно декретирован признанием одного из борющихся принципов верховной аксиомой моральной жизни. И тогда основанием права служит уже не его собственная правомерность, а фактическая сила образующих и поддерживающих его чувств. Исходя из этого, Ницше формулирует свою аксиому «большой политики»: нужно поддерживать и развивать все жизнеспособное и в интересах его преуспеяния ускорять гибель всего отжившего. «Берегитесь добрых и справедливых... Добрые — всегда начало конца».

⁸ См.: Хайдеггер М. Разъяснения к поэзии Гельдерлина. СПб., 2003. С. 131, 219.

⁹ См.: Тиллих П. Любовь, сила и справедливость. СПб., 2015. С. 66—67, 71.

Примирение сил («возмещение политического ничтожества», как говорил Гегель) состоит в познании необходимости и в праве, которое «нравственность дает своей неорганической природе и подземным силам, уступая и жертвуя им часть самой себя. Ибо сила жертвы состоит в созерцании и объективации переплетения с неорганическим». Это настоящее представление трагедии в сфере нравственного, трагедии, которую абсолютное разыгрывает с самим собой, возносясь из праха в сферу прекрасного: «Трагедия состоит в том, что нравственная природа отделяет от себя, как свою судьбу, неорганическую природу и противопоставляет ее себе... примиряется с божественной сущностью как с единством обеих природ»¹⁰. Единение с «всеобщей волей» не может быть достигнуто и положено исключительно как внутреннее абсолютное величие, но как нечто, что должно быть создано с помощью внешнего отношения или принуждения. Необходима некая высшая положительная точка, с которой началось бы принуждение, трансцендентная точка. Это могло бы быть осуществлено только посредством распределения мощи целого между двумя сторонами, противостоящими друг другу, так чтобы «управляемое принуждалось управлением, а управление управляемым».

Только сверхмощный могуществен, ибо ему должно быть безразлично, является ли что-нибудь границей для другого, поэтому «слабый не есть граница» (кантовский императив здесь исчезает окончательно). Если действие и противодействие обладают равной силой, тогда сила превращается в равновесие и снимается всякая деятельность, волеизъявление и действие¹¹. И вовсе не справедливость здесь творит суд, и не суверенная милость диктует здесь приговор, но «только жизнь, как темная, влекущая, ненасытно и страстно сама себя несущая сила». Ее приговоры всегда немилостивы, всегда пристрастны, ибо они никогда не проистекают из чистого источника познания... Жизнь в своей самой несправедливой форме

и высшая справедливость каким-то таинственным образом оказываются в сущностном единстве¹². Перенос этической оценки на природу и право порождает иллюзию справедливости. Ведь нет доброй самой по себе природы, в которой изначально были бы заложены незыблемые принципы («естественного») права, равноценные для каждого человека.

«Субстанция демоса демонична», она нуждается в очищении для того, чтобы стать действительной силой традиционной политической системы и за пределами этого натуралистического субстрата превратиться в качественно дифференцированный и иерархический порядок (Юлиус Эвола, «Восстание против современного мира»). Предположение о том, что победа социального уничтожит разрывы и неравенство, оказывается нереализуемым. Справедливость же, которая ориентирована на равенство, категорическим образом ограничивает свободу, т.е. суверенность, а попытки достигнуть справедливости посредством нормирования ведут к самым непредсказуемым результатам. Равенство уничтожает свободу. (Рудольф Иеринг утверждал, что все нравственные нормы, по сути, настоящие социальные императивы, и если концепция позитивного закона столь неустойчива, относительна и изменчива, то тем более эта оценка верна по отношению к нравам и обычаям.)

Нравственность в значительной мере есть лишь эстетическая и «романтическая» категория: суверенное «я» не есть, как это предполагали Кант и Фихте, категория практического разума, это «я» — по-настоящему эстетическое, суверенно распоряжающееся вещами и людьми, не поддающееся мерке и контролю, «я», стоящее выше всякого закона и канона¹³. Представляется, что суверенное в состоянии само творить тот закон, который оно полагает как справедливый.

Такой легитимирующий миф создает большие возможности для последовательного применения власти. Однако уже связанная с этим

¹⁰ Гегель Г. В. Ф. О научных способах исследования естественного права // Политические произведения. М., 1978. С. 243.

¹¹ Гегель Г. В. Ф. Указ. соч. С. 220—221.

¹² Бертрам Э. Ницше. Опыт мифологии. СПб., 2013. С. 132—133.

¹³ Баш В. Индивидуалистический анархист Макс Штарнер // Штарнер М. Единственный и его собственность. Харьков, 1994. С. 465.

ангажированность лишает властителя свободы, и он вынужден следовать логике предпринимаемых им действий: «Если что-либо, как бы властитель к этому ни относился, имеет силу закона, он должен проявлять осторожность в выражениях своих предпочтений». Нормативизм, морализм и фактическое применение власти взаимно усиливают друг друга, и в таких условиях только прагматическая политика приобретает функциональную первичность в рамках всей социальной системы. Норма и справедливость продолжают существовать в разных измерениях¹⁴.

8. Опасная справедливость

Модерн уничтожает все идеалистические различия между истинным и ложным, между добром и злом, чтобы установить закон эквивалентности и обмена, железный «буржуазный» закон своего господства. Однако сущность любого баланса сил заключена в том, чтобы скрывать себя как таковое, и он приобретает новую силу лишь потому, что скрывает себя как таковое: «Капитал аморальный и беспринципный может функционировать лишь под прикрытием моральной надстройки»¹⁵.

С нормативной точки зрения содержащееся в законе волевое решение рождается как бы из ничего: уже по своему понятию оно с необходимостью «диктуется». У Гоббса власть суверена, правда, все еще покоилась на более или менее молчаливо подразумеваемом, но оттого не менее действенном согласии с убеждениями граждан государства, с мнением, даже если эти убеждения и были порождены самим государством; мифологема гласила: «Суверенитет возникает в результате учреждения абсолютной власти народом».

Но в основе закона, по сути своей являющегося повелением, уже лежало то или иное решение относительно государственного интереса, хотя сам государственный интерес возник лишь оттого, что такое повеление вступало в силу¹⁶. Решение же как таковое понималось как действие, выступающее в форме преобразования самой действительности, как осуществ-

ление чего-либо. Суверенное решение возникло из «нормативного ничто и конкретного беспорядка»: суверен принимал решение не помимо и вопреки еще не существующего внутреннего порядка, но помимо любого порядка как такового, поскольку это решение предполагало наличие господствующего беспорядка. Конкретный же порядок менялся по ходу изменения в характере политических единств, «только по недоразумению обозначенных в теории как государства» (*Карл Шмитт*).

«Всеобщий характер закона и состоит как раз в том, что он не хочет знать ничего индивидуального и, подобно закону природы, действует без всяких исключений», — полагал Монтескье. Картезианское учение о том, что Бог обладает только «всеобщей волей», а все партикулярное ему чуждо, в переводе на политический язык означало, что государство должно выдвигать в качестве законов только всеобщие и абстрактные правила, а решение об отдельном конкретном случае должно принимать только путем подведения его под общий закон¹⁷. «Бог установил свой закон в природе, подобно тому как король устанавливает законы в своем королевстве» (Р. Декарт): при этом следовало бы также более четко различать саму норму права и норму осуществления этого права.

Системе мысленного, «фантомного» государства соответствует такое правовое устройство, которое «во всем том, что обычно определяет сущность государства, не имеет силы» (Гегель). Акт, исходящий от государственной власти, есть акт всеобщий, он привносит свободную и всеобщую определенность, и его осуществление является одновременно его применением: «Определенность, падающая на однородную поверхность, может быть непосредственно установлена только государственной властью». Но если то, к чему применен закон, являет многообразие, тогда закон уже не может содержать в себе правило своего применения — «для каждой части материала должно быть установлено особое применение и тогда между законом и его использованием вклинивается особый акт применения закона»,

¹⁴ Луман Н. Указ. соч. С. 76.

¹⁵ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М., 2015. С. 24.

¹⁶ Шмитт К. Диктатура. СПб., 2005. С. 41.

¹⁷ См.: Шмитт К. Указ. соч. С. 128.

поэтому, считал Гегель, имперский закон не может предначертать общий распорядок линий и разделов, политическая материя противостоит ему в своей специфичности (и принцип всеобщности и равенства должен был сначала «настолько подчинить себе все целое, чтобы заменить обособление сословий их последующим смешением»¹⁸).

Но не в самом действии, а в бытии лежит настоящий центр ценности, и Ницше представляет нам своеобразную комбинацию понятий: с одной стороны — объективная оценка, таксирование всех социальных форм по их «высоте», с другой — зависимость этических ценностей исключительно от самой личности, ее свойств, но не действий. В основу такой трактовки положено, возможно, высокое осуществление идеала мощи, пусть даже он и достигается ценой насилия и жертв, но только тогда он и становится объективной действительностью¹⁹.

Субъективное становится объективным, формируя единство по собственному усмотрению: «сверхчеловек», этот «лжесуверен» с его фантастическими свойствами, становится эталоном для социальности. Классы и сословия растворяются в едином «высококачественном» человечестве, нации — в глобальной и невидимой империи. Приходит новая эра.

Гёте говорил, что совестью наделен только отрешенно созерцающий. Ницше словами Заратустры заявлял: «Я не люблю вашу холодную справедливость, ведь у справедливости и объективности нет ничего общего». Справедливость есть сила и признак силы, деятельная добродетель, поэтому и творить суд может только превосходящая сила, слабость же должна быть терпимой, если она не хочет симулировать силу и превращать в комедию суд, творимый справедливостью. Лишь тот, кто создает будущее, имеет право судить прошлое. Поэтому следует научиться постигать «необходимую несправедливость, как нечто неотделимое от самой жизни, а саму жизнь — как обусловленную перспективным началом и его несправедливостью»: художник-законодатель у Ницше имеет

веру, которая сама по себе есть несправедливость и ограниченность по отношению к вере других людей. Справедливость здесь даже превращается в некое разрушительное начало, становится опасным влечением к хаосу²⁰.

А хаос — это такое состояние, в котором воля действует как бы до времени и пространства, до моментов жизни и смерти; она ограничивает себя таким образом, что все переходит из одного в другое без какого-либо определенного порядка, при этом она сама ничего не создает и не формирует, но из хаоса впервые вырывается сформированное становление, «зачинающее и структурирующее самое себя». Хаос присутствует всегда и постоянно, и поскольку чистая воля ничего не создает, то и учение о всеобщности воли также еще ничего не дает познанию, а учение о воле к власти нуждается в дополнительном учении о полномочиях самой этой воли к власти... «Ведь волей к власти можно и злоупотреблять»²¹.

У Ницше право как воля к «увекочиванию соответствующих отношений власти» неизбежно превращалась либо в бесконечное накопление законов и господство «желаний посредственности», либо смыслом права становилось обеспечение «иерархии создающих», господ. В первом случае законодатель — только безличный законотворческий механизм, во втором — настоящая личность, в каком-то смысле даже бо́льшая, чем закон²²: в первом случае идея явно отдавала духом древнего арианства, которое очень скоро породило Левиафана, «земного бога».

Принцип единовластия, утратившего всякую персонификацию и личностность, принял в Новейшее время безличную форму господства «никто», некоего гипотетического единства общественных интересов и мнений. Феномен господства этого «никто», правда, был уже известен из многолетней истории «социального» — бюрократии, которая окончательно приходит к господству на последней стадии развития абсолютной монархии и перехода

¹⁸ Гегель Г. В. Ф. Конституция Германии // Политические произведения. С. 106—107, 238.

¹⁹ См.: Зиммель Г. Фридрих Ницше // Избранное. Философия культуры. СПб., 2013. С. 402—403.

²⁰ См.: Бертрам Э. Указ. соч. С. 133—134.

²¹ Юнгер Ф. Ницше. С. 143—144.

²² Ясперс К. Ницше. Введение в понимание его философствования. СПб., 2004. С. 364.

к просвещенному деспотизму. Однако «господство обезличенного “никто” настолько не означает отсутствия господства, что при известных обстоятельствах способно оказаться одной из самых мрачных и тиранических форм правления, — предупреждала Хана Арендт, — и тогда победа равенства в современном мире будет лишь политическим и юридическим признанием того факта, что социум окончательно овладел сферой публичной открытости, того места, которое когда-то было предназначено для политического проявления личности»²³. Но означает ли уход личности из сферы публичной в сферу частную расширение суверенности и ограничение суверенитета «ничто»?

Великий инквизитор у Достоевского хотел бы осуществить суверенные цели, «недостижимые для Христа», поэтому он силен, властолюбив и деспотичен. И соловьевский Антихрист пользуется всеми средствами временной власти, проявляя силу убеждения, широту ума, либерализм и прогрессивные взгляды²⁴.

На первом — маска монархиста, на втором — демократа, но только маска. Ложный суверен царствует над «фантомным» царством, в котором только зло и является по-настоящему реальным. Исчезновение суверенности как свободы неизбежно ведет к господству суверенитета как статуса, пустой формы, которую спешит заполнить чья-то нежданная сила. Вполне реальный инквизитор Шпренгер записал во введении к знаменитому кодексу: «В наше время, когда вечер мира клонится к полному закату, старое зло, не прекращающее ни на одну минуту, в силу неиссякаемого вреда своего падения, насылая на мир полную яда заразную чуму, особенно отвратительным образом проявляет себя, так как в своем великом гневе чувствует, что в его распоряжении осталось мало времени»²⁵ («Молот ведьм»). И является ли случайным тот исторический факт, что автор классически разработанной теории государственного суверенитета, Жан Боден, так долго трудился именно над своей «Демонологией»?

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агамбен Д. Средства без цели. — М., 2015.
2. Батлер Дж. Психика власти. — СПб., 2002.
3. Гвардини Р. Конец Нового времени // Феномен человека. — М., 1993.
4. Гегель Г. В. Ф. Конституция Германии // Политические произведения. — М., 1978.
5. Губрехт Х. У. В 1926 году : На острие времени. — М., 2005.
6. Гурвич Г. Социология права // Философия и социология права. — СПб., 2004.
7. Делез Ж. Ницше. — СПб., 1997.
8. Касториадис К. Воображаемое установление общества. — М., 2003.
9. Кожев А. Введение в чтение Гегеля. — СПб., 2003.
10. Кожев А. Очерк феноменологии права // Атеизм. — М., 2007.
11. Кьеркегор С. Страх и трепет. — М., 1993.
12. Луман Н. Власть. — М., 2001.
13. Манн Т. Философия Ницше в свете нашего времени // Собрание сочинений. — М., 1961. — Т. 10.
14. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Сочинения. — М., 1990. — Т. 2.
15. Слотердайк П. Критика цинического разума. — Екатеринбург, 2001.
16. Флоренский П. Предполагаемое государственное устройство в будущем // Сочинения. — М., 1996. — Т. 2.
17. Франк С. Крушение кумиров // Сочинения. — М., 1990.
18. Шмитт К. Диктатура. — СПб., 2005.
19. Шмитт К. Политический романтизм. — М., 2015.

²³ Арендт Х. *Vita Activa* или о деятельной жизни. СПб., 2000. С. 54—55.

²⁴ См.: Безансон А. Извращение добра. М., 2002. С. 69.

²⁵ Цит. по: Левинский С. Роковая книга Средневековья // Шпренгер Я., Инститерис Г. Молот ведьм. Саранск, 1991. С. 63.

20. Штернер М. Единственный и его собственность. — Харьков, 1994.
21. Юнгер Ф. Ницше. — М., 2001.
22. Юнгер Э. Через линию // Судьба нигилизма. — СПб., 2006.
23. Ясперс К. Ницше. — СПб., 2004.

Материал поступил в редакцию 28 января 2016 г.

THE FALL OF SOVEREIGNTIES: REVERSE PERSPECTIVE. PART 3

ISAEV Igor Andreevich — Doctor of Law, Professor of the Department of History of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
kafedra-igp@mail.ru
123995, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Review. *The article analyses the problem that always remains relevant in the legal science, namely, the problem of sovereignty. The author compares this concept with its another hypostasis, i.e. independence of the state, and makes an attempt to identify their common features and fundamental differences by means of applying dialectical opposition. The sovereign, as a subject of sovereignty, can take both personal and anonymous form, be of individual and collective nature.*

The article emphasizes the fictitious nature of the sovereign subjectivity inherent to the era when sovereignty substantially changed its content and essence, i.e. to the Art Nouveau era. This transformation process was marked by such thinkers as Fyodor Dostoevsky, Vladimir Solovyov, Friedrich Nietzsche and others. A false or imaginary sovereign, even possessing authority and power, is deprived of his true legitimacy that cannot be restored by either public opinion or direct violence. Neither mimicry nor manipulation can help. "Two bodies" of the King break up in two and never unite again.

A fictitious sovereign becomes a head of a fictitious "phantom" state. A "substrate" of such statehood is not people, but "masses" as specific associations fastened together by staples of external power, violence and ideology. Sovereignty associated with the freedom of existence is absorbed by the force of the power with which it is incompatible. External law plays a much more important role than the inner truth that has always been the foundation of justice.

Justice itself is replaced with its own metaphor, i.e. the law. Depersonalized force of law that used to be expressed by means of making willful decisions not only limits sovereignty, but substitutes it. Sovereignty as the status radiates both movement and dynamics. Fictions that are typical for the Art Nouveau era pursue the policy of connivance for creating "unjust laws" neglecting both the truth and justice and focusing on the feasibility and effect only. The realm of law lacks metaphysical and transcendental foundations that earlier connected it with higher instances not associated with law. Normativism becomes the dominant ideology of modernism and modernity giving the law and sovereignty a completely new form and giving rise to unexpected consequences for the life of a rule of law State.

Keywords: *sovereignty, independence of the State, authority, legitimacy, legality, subject, personality, State, legal form, norm, justice, truth, legality.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Agamben D. Sredstva bez celi. — М., 2015.
2. Batler Dzh. Psihika vlasti. — СПб., 2002.
3. Gvardini R. Konec Novogo vremeni // Fenomen cheloveka. — М., 1993.
4. Gegel' V. F. Konstitucija Germanii // Politicheskie proizvedeniya. — М., 1978.
5. Gubrecht H. U. V 1926 godu : Na ostrie vremeni. — М., 2005.
6. Gurchich G. Sociologiya prava // Filosofiya i sociologiya prava. — СПб., 2004.
7. Delez Zh. Nicshe. — СПб., 1997.
8. Kastoriadis K. Voobrazhaemoe ustanovlenie obshhestva. — М., 2003.
9. Kozhev A. Vvedenie v chtenie Gegelja. — СПб., 2003.

10. Kozhev A. Oчерk fenomenologii prava // Ateizm. — М., 2007.
11. K'еркегор S. Strah i trepet. — М., 1993.
12. Luman N. Vlast'. — М., 2001.
13. Mann T. Filosofija Nicshe v svete nashego vremeni // Sobranie sochinenij. — М., 1961. — Т. 10.
14. Nicshe F. Po tu storonu dobra i zla // Sochinenija. — М., 1990. — Т. 2.
15. Sloterdajk P. Kritika cinicheskogo razuma. — Ekaterinburg, 2001.
16. Florenskij P. Predpolagaemoe gosudarstvennoe ustrojstvo v budushhem // Sochinenija. — М., 1996. — Т. 2.
17. Frank S. Krushenie kumirov // Sochinenija. — М., 1990.
18. Shmitt K. Diktatura. — SPb., 2005.
19. Shmitt K. Politicheskij romantizm. — М., 2015.
20. Shternern M. Edinstvennyj i ego sobstvennost'. — Har'kov, 1994.
21. Junger F. — Nicshe. М., 2001.
22. Junger Je. Cherez liniju // Sud'ba nigilizma. — SPb., 2006.
23. Jaspers K. Nicshe. — SPb., 2004.